

Л.И. Журова*

L.I. Zhurova*

**Утешительные послания
в русской церковной публицистике
XVI века**

doi:10.31518/2618-9100-2022-2-1

УДК 821.161'01''15''

Выходные данные для цитирования:

Журова Л.И. Утешительные послания в русской церковной публицистике XVI века // Исторический курьер. 2022. № 2 (22). С. 11–26. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-2-01.pdf>

**Consolatory Epistles
in the Russian Ecclesiastical Publicism
of the 16th Century**

doi:10.31518/2618-9100-2022-2-1

How to cite:

Zhurova L.I. Consolatory Epistles in the Russian Ecclesiastical Publicism of the 16th Century // Historical Courier, 2022, No. 2 (22), pp. 11–26. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-2-01.pdf>]

Abstract. An attempt is made to find approaches to determining the immanent signs of the consolatory epistles of ecclesiastical authors of the 16th century. The object of this study are the epistolary writings of Daniel, Metropolitan of Moscow, Theodosius, Bishop of Novgorod, who represented the Volokolamsk school of the writing tradition, and the venerable monk of the Russian Orthodox Church from the Mount of Athos, Maximus the Greek. The addressees' grief leads the authors of the epistles to make highly empathic statements. Traditional means of consolation are the words of sympathy with the mourning person, a pastoral admonition that hardships and trials are sent for the good of the mourner and that they should be accepted with humility. Such means also included examples of the deeds of the Biblical heroes, the saints who went through great calamities in meekness and patience. Consolation is combined with admonition. The consolatory epistles of Daniel are collected in a manuscript of the 1560s (RNL. Q.I.1439). The headlines are written by the editor and reflect his perception (as a reader) of the author's text. The consolatory strategy of the Metropolitan is based on acceptance of the theological concepts of the Teachers of the Church, but his words of compassion are filled with asceticism and didacticism. Ethical admonitions to a mourning person are close to the theological principles of Blessed Theodorite of Cyrillus. Even more pragmatic are the epistles of Theodosius of Novgorod. The consolatory epistles of Maximus the Greek are preserved in the Rumyantsev Collection of the middle of the 16th century and in the manuscripts of the Solovets Collection of the end of the 16th century. They have no titles and begin with the prescript. Representing the original variant of the author's text, these epistolary writings convey the writer's intention better. Consolation as compassion, empathy, commiseration and appeasement of the yearning heart comply with the teaching of Theophylact of Bulgaria. The important features of the consolatory conversation of Maximus the Greek with a mourner include a reference to the Holy Scripture as the source of God's design ("Savior enlightened me to write such consolation"), the variety of the ways of consolation, emotional coloring of speech and personal presence of the author who suffers from disasters himself but calls upon patience and humility. An important feature of the behavioral tactics of monk Maximus the Greek was his aspiration to approach the addressee and return to him with the new words of encouragement. The Holy Monk from the Mount of Athos reverted to consolatory motifs in the other genres of his creative works, too.

Keywords: consolatory epistle, ecclesiastical publicism of the 16th century, Metropolitan Daniel, Bishop Theodosius of Novgorod, monk Maximus the Greek.

The article has been received by the editor on 23.01.2022.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* Журова Людмила Ивановна, доктор филологических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: zhurovansk@mail.ru

Zhurova Ludmila Ivanovna, Doctor of Philology, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: zhurovansk@mail.ru

Аннотация. В статье сделана попытка найти подходы к определению имманентных признаков утешительных посланий церковных публицистов XVI в. Объектом настоящего исследования стали эпистолярные сочинения Московского митрополита Даниила, епископа Новгородского Феодосия, представляющих волоколамскую школу книжной традиции, и афонского монаха, преподобного Русской православной церкви Максима Грека. Скорбь адресатов провоцирует авторов посланий на эмпативное высказывание. Традиционными для утешения остаются слова сочувствия скорбящему, пастырское наставление о том, что испытания посланы нам на пользу и их надо принимать со смирением, и примеры подвигов библейских героев, святых, претерпевших великие беды в кротости и терпении. Утешение сопрягается с поучением. Утешительные послания Даниила собраны в рукописи 60-х гг. XVI в. (РНБ. Q.I.1439). Заголовки надписаны редактором комплекса и отражают его (как читателя) восприятие авторского текста. Утешительная стратегия митрополита основана на рецепции богословия учителей Церкви, но его слова сочувствия наполнены аскетичностью и назидательностью. Нравственные наказания скорбящему человеку близки к богословию блаженного Феодорита Кирского. Еще большим прагматизмом отличаются послания Феодосия Новгородского. Утешительные послания Максима Грека сохранились в Румянцевском сборнике середины XVI в. и рукописях Соловецкого собрания конца XVI в. Названий они не имеют, начинаются с прескрипта. Представляя первоначальный вариант авторского текста, эти эпистологографические сочинения полнее передают интенцию писателя. Утешение как сочувствие, сопереживание, сострадание, успокоение скорбящего сердца совпадает с учением Феофилакта Болгарского. Важные особенности утешительной беседы Максима Грека со скорбящим – ссылка на Божественное Писание как источник замысла («Спас вразумил меня писать такое утешение»), разнообразие приемов утешения, эмоциональная окрашенность речи и личностное присутствие автора в ситуации переживания, который сам страдает от невзгод, но призывает к терпению и смирению. Особым моментом поведенческой тактики инока Максима стало его стремление приблизиться к адресату, возвращение к нему с новыми словами ободрения. К утешительным мотивам Святогорец обращался в других жанрах своего творчества.

Ключевые слова: утешительное послание, эпистологография, церковная публицистика, митрополит Даниил, епископ Феодосий Новгородский, инок Максим Грек.

Проблема изучения древнерусских посланий поставлена Д.М. Буланиным: получить «отчетливые представления о специфике эпистологографии Древней Руси»¹. Не претендуя на решение столь крупной задачи, попытаемся поискать отдельные подходы к ее реализации. Объектом настоящего исследования стали послания церковных публицистов первой половины XVI в.: Московского митрополита Даниила, епископа Новгородского Феодосия, представляющих волоколамскую школу книжной традиции XVI в., и ватопедского монаха, преподобного Русской православной церкви Максима Грека. Хорошо известны драматические отношения митрополита и афонца. Единственное послание Святогорца Московскому архиерею – «Послание о смирении к бывшему митрополиту Даниилу, уже извержену»² – осталось без ответа. Трудно согласиться с мнением Д.М. Буланина, что оно примыкает к утешительным посланиям³. Его замысел иной⁴.

Утешительные мотивы встречаем во многих посланиях и трактатах церковных публицистов, что дает повод сравнить авторские стратегии древнерусских писателей в организации

¹ Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. Л., 1984. С. 98.

² Другой вариант названия: «Послание примирительно к бывшему митрополиту всея Руси Даниилу» – вписан почерком Максима Грека в Румянцевском сборнике (РГБ. Ф. 256. № 264, л. 127), что свидетельствует об авторской интенции – сомирение, примирение с Даниилом.

³ Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека... С. 112, прим. 87.

⁴ Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Новосибирск, 2008. Ч. 1. С. 343–348.

повествования, направленного скорбящему лицу. Современные исследования и издания литературного наследия Максима Грека и митрополита Даниила⁵ позволяют сделать вывод: нет следов влияния их творчества друг на друга. Но поиск и анализ мотивов, широко бытовавших в русской публицистике XVI в., дадут возможность обнаружить специфические черты в культуре письменного слова каждого писателя, несмотря на сильную традицию литературного этикета в эпистолографии.

Можно ли выделить категорию – утешительное послание? Для этого есть несколько оснований. Во-первых, названия сочинений, содержащие концепт «утешение», служат маркером этой разновидности эпистолярного жанра. Заголовок мог быть составлен как автором сочинения, так и редактором рукописи. В первом случае он отражает авторскую интенцию, во втором – читательскую рецепцию. Послания могут не иметь заголовка и открываться прескриптом, но в зачине, как правило, сформулирован повод для составления текста: просьба адресата об утешении или слух о его скорби, дошедший до адресанта. Во-вторых, составление утешения, как правило, связано с драматическими или даже трагическими событиями в жизни человека, и скорбь становится ведущей темой в эпистолярном повествовании, она провоцирует автора на эмпативное высказывание. Как правило, ссылка на источник сведений о приключившейся беде, обращение адресата за помощью или слухи служат завязкой (мотивацией) утешительного слова. Скорбь и утешение встраиваются в единую парадигму морально-этических рассуждений и стилистических форм письменной речи публицистов. Скорбящий и утешитель – два героя беседы при активной роли второго. Особенности ее разыгрывания позволяют увидеть разнообразие тактик церковных публицистов в практике утешения. Но традиционными в посланиях остаются слова сочувствия скорбящему, пастырское наставление о том, что испытания посланы нам на пользу и их надо принимать со смирением, и примеры подвигов библейских героев, святых, перенесших страдания. Утешение, как правило, сопрягается с поучением. Утешение как поступок включено в перечень благих дел христианина: «дати алчующимъ и жаждающимъ, и нагим, и страным, и посѣщати и утѣшати скорбящихъ»⁶. Утешительные послания интересны проявлением индивидуальности автора, его эмоциональной выразительностью и элементами лиричности в эпистолярном тексте.

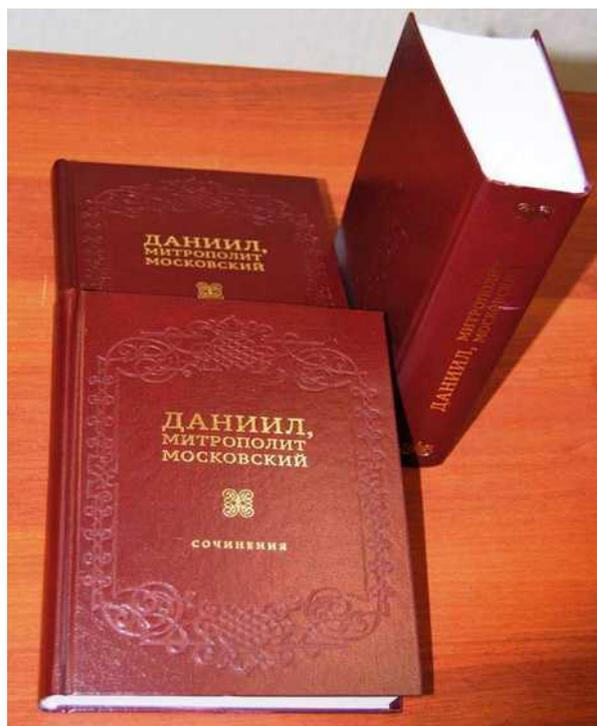

Рис. 1. Издание сочинений митрополита Даниила

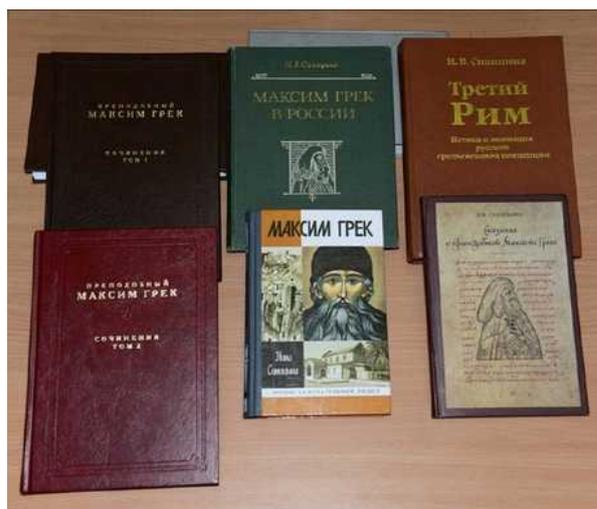

Рис. 2. Издание сочинений Максима Грека

⁵ Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 1. М., 2008; Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 2. М., 2014; Даниил, митрополит Московский. Сочинения. М., 2020.

⁶ Там же. С. 396.

Утешительные послания митрополита Московского Даниила вошли в состав рукописного сборника, известного в науке как Дружининский по имени его первого публикатора: РНБ. Q.I.1439, 60-е гг. XVI в.⁷ Содержание свода вписывается в тематику нравственного богословия. Сочинения систематизированы, вероятно, автором в период его пребывания в Волоколамском монастыре после ухода с митрополичьей кафедры (1539 г.), но нельзя исключать и работу книжника, владевшего архивом писателя. Заголовки посланий Даниила, скорее всего, надписаны редактором комплекса, отражают его, читателя, восприятие авторского текста и свидетельствуют о подготовке посланий для включения в систематизированный эпистолярный свод, который Д.М. Буланин предлагает рассматривать в традиции составления формулярников⁸.

Дружининский свод открывается серией утешительных посланий, и первым из них стало «Послание Дионисию Звенигородскому» (1528 г.)⁹ (см. рис. 5). Со старцем Иосифо-Волоколамского монастыря Даниила связывали дружеские отношения, но от этого послания, заметил В.И. Жмакин, «веет холодом»¹⁰. Сочинение сохранилось в пяти других сборниках смешанного состава второй – третьей четвертей XVI в.¹¹, в том числе в рукописи, известной как формулярник Новгородского архиепископа Феодосия¹². В Дружининском сборнике текст имеет название в стиле поучения: «Послание, еже скорьби тръпѣти съ благодарением и повиноватися настоящему без роптания». Иной вариант заголовка находим в рукописи Фотия Волоколамского (Старого) РГБ. Ф. 113. Волоколамское собр. № 492, вторая четверть XVI в.: «Послание великого старца брату некоему утешительно от находящих ему многих скорбеи». Остальные списки памятника (РГБ. Ф. 113. № 519; РГБ. Ф. 113. № 416; ГИМ. Епархиальное собр. № 358; РНБ. Q.XVII.50) сохранили прескрипт: «Благословение Данила, митрополита всеа Руси, старцу Дионисию Звенигородцкому», который отражает перво-

Рис. 3. Портрет митрополита Московского Даниила из издания нидерландского секретаря и дипломата Яна Данкарта «Описание Московии», 1652 г.

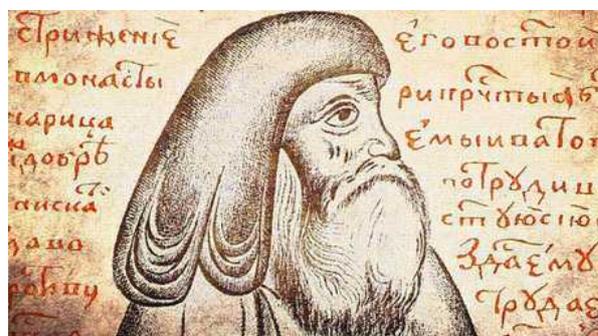

Рис. 4. Максим Грек

⁷ Дружинин В.Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI-го века. СПб. 1909 // Отд. отт. из ЛЗАК. Вып. 21. СПб., 1909. С. 1–114; Даниил, митрополит Московский. Сочинения. М., 2020. С. 345–422.

⁸ Буланин Д.М. Литературное наследие первого идеолога Московского царства. Рецензия на книгу: Даниил, митрополит Московский. Сочинения / исследование, подготовка текстов и издание Л.И. Журовой М.: Индрик, 2020. 848 с. // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 517.

⁹ Даниил, митрополит Московский. Сочинения... С. 345–353.

¹⁰ Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения... М., 1881. С. 686.

¹¹ Журова Л.И. Рукописное наследие митрополита Даниила // Даниил, митрополит Московский. Сочинения... С. 83–89.

¹² Абеленцева О.А. Формулярник новгородского архиепископа Феодосия (РНБ. Q.XVII.50) и его рукописная традиция в XVI–XVII вв. // ТОДРЛ. Т. 53. СПб., 2003. С. 122–158.

начальный этап истории текста Послания. Формула благословения характерна для эпистолярной традиции книжников волоколамской школы. Утешительным «Послание Дионисию» названо только Фотием Старым, который является автором собственного «Посланица утешительного к старице Александре»¹³. Вероятно, в этической системе этого книжника тема утешения занимала особое место.

Поводом для написания «Послания Дионисию» стало обращение старца к Даниилу с жалобой на «многи гонения и скорби, и напасти, и беды», пришедшие на него со стороны, видимо, игумена Иосифо-Волоколамского монастыря Нифонта Кормилицына, и Дионисий спрашивал: «како пребывати?». Ответ, данный митрополитом, построен в основном на поучительных мотивах, нежели утешительных. В самом начале церковный публицист напоминает иноку о его монашеском долге: «Въси, убо брате¹⁴, отречение наше от мира и обѣщание яже ко Христу, яко трѣпѣти всяку скорбь и тесноту иноческаго житиа Царствиа ради Небеснаго, укоритися и поругатися, и поношену быти, и изгнану, въ многиа внити напасти и бѣды, имиже челоуѣкъ очищается от всякого грѣха и къ Богу приближается и освящается». Христианская идея – скорби и напасти посланы нам за грехи и во спасение души – разворачивается Даниилом в нескольких спектрах. Так, проповедник советует Дионисию вспомнить «древних мужей, како терпяху добрѣ, како вся с радостию претрѣпѣваху сладцѣ: печалнаа и скорѣбнаа, и напасти, и бѣды всякиа!». Основное содержание «Послания Дионисию» составлено из выписок сочинений святых отцов на тему терпения и смирения: Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Никиты Стифата, Исихия Иерусалимского, Иоанна Лествичника, Симеона Нового Богослова, Исаака Сирина. Наставления Даниила – терпеть скорби, гасить «пламень яростный, а не возжегать его», выносить все тяготы, себя хранить с тихостью и кротостью, смирением и любовью – представляют собой трансляцию богословия учителей Церкви. На нем построена смысловая доминанта утешительных слов митрополита, отличающихся аскетическим характером. Так, Даниил заканчивает «Послание Дионисию» требованием, которое играет в его нравственной системе роль утешения: «Терпи убо любомудрено находящаа *ти*¹⁵ скорби о Господи... и всяко облегчить ти и радости, и веселиа насладить, и благодати, и милости, и благаго дръзновения сподобить и в настоящем, и в будущемъ». Сопряжение приказания и обнадеживания служит тактическим приемом в утешительном процессе Даниила.

Следующие за «Посланием Дионисию» пять небольших сочинений в Дружининском сборнике продолжают тему, обращенную к живущим в скорбях и напастях¹⁶. Они выдержаны в интонации поучения, практически не имеют адресатов, надписаны, скорее всего, составителем сборника однотипными абстрактными заголовками: «Живущим в скорбях», «Живущим в напастях». Их можно рассматривать как один текст, но отграниченные друг от друга литургическими концовками, характерными для эпистолярного стиля Даниила, они составляют связанный тематический цикл. Строение речи в конструкциях безличных предложений («В нахождение скорбеи и напастей потребно есть поминати грѣхы своа и трѣпѣти, и молитися, и благодарити Владыку Христа, а не челоуѣчьскими помыслы хотѣти одолѣти») или от первого лица множественного числа («Въ напастехъ и бедахъ многого трѣпѣтиа

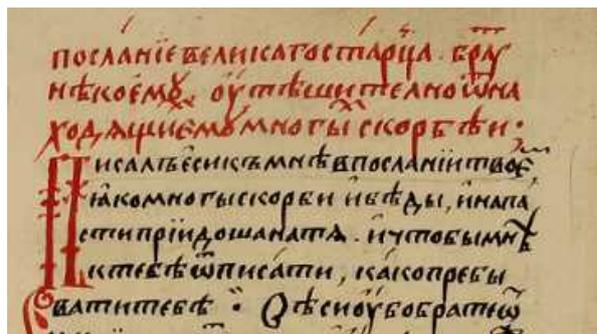

Рис. 5. Послание Даниила старцу Дионисию Звенигородскому. РГБ. Ф. 113. № 492. Л. 228

¹³ Фотию Волоколамскому принадлежит «Посланица утешительно к старице Александре» / ЛЗАК. СПб., 1862. Вып. 1. С. 28–33.

¹⁴ Чтение сохранено в рукописи Фотия Старого РГБ. Ф. 113. № 492. Л. 228.

¹⁵ Там же. Л. 236.

¹⁶ Даниил, митрополит Московский... С. 354–361.

требуемъ в разумѣ божественныхъ догматъ») характерно для стиля поучения, и утешительные сентенции здесь – органичный элемент пастырского наставления.

Целый ряд других сочинений в Дружининском сборнике озаглавлен как «Послания утешительные», что, скорее всего, свидетельствует о восприятии сочинений Даниила книжником-редактором, приписавшим названия.

В «Послании утѣшительном, и како подобаетъ настоятельствовати»¹⁷ содержится ответ настоятелю на его жалобу. Видимо, речь идет о дурных слухах, возведенных на него. Нельзя понять, о каких сплетнях идет речь: «Писаль еси ко мнѣ, яко от иже у тебе, живущаго в монастыре, многа смущения и молвы приидоша ти, и мнѣ бы к тебѣ о семъ отписати, понеже много печалень и скорбень еси зело сицевых ради нечаяния». Даниил утешает настоятеля добрым словом о его праведных поступках, убеждает, что ему нечего страшиться («Что убо страшишися?»), поскольку он не обласкан чужими странами, «не мудрствует еретически», а наоборот, живет «в законе Господни и во учении заповѣдеи Его», пребывает «въ божественных словесѣх». Восклицание «Христос есть с тобою! Да кого ти есть бояться?» должно ободрить страдающего человека. Важно, что это не лесть, а правда, и она придает словам утешения оптимистическую силу.

Выполняя свой пастырский долг, Даниил призывает к тихости, кротости, смирению, любви, долготерпению, за это, пишет проповедник, «твоа прегрѣшения Господь Богъ покрыеть и милость с тобою сътворить». Этот мотив – сквозной в сочинениях Даниила и доминирующий в утешительных посланиях. Обращение к Святому Писанию и церковному преданию (приведены цитаты Кирилла Александрийского, Иоанна Лествичника, Василия Великого, апостола Павла, Евангелия) придает авторской речи значимость и убедительность.

Изячно заключение Послания, построенное в виде риторической вопросно-ответной конструкции: «Тебѣ же убо, сице вся творящу с тихостию и кротостию, и любовию, и долготрѣпѣнием, кто не удивится, кто, вражду имѣя, не усрамится и не ужаснется, и во смирение и в покаание не приидеть? Всяко убо усрамится и обратится, и смирится, и в покаание, и во спасение приидет!». Так Даниил стремится вселить в адресата уверенность, приободрить его и вдохновить, но при этом сохраняя дистанцию. Такова тактика его утешения.

В названии послания «К Дософѣю, епископу Сарському и Подоньскому, утѣшение и извѣщение мнениемъ»¹⁸ концепт «утешение» сопровождается прагматичной установкой на знакомство с учением как преодолевать напасти. Досифей был верным сподвижником Даниила, ему митрополит доверил вести допросы на суде 1525 г. и 1531 г. против Максима Грека, к нему обращается архиерей: «Възлюбленыи и духовныи мои сыне». Видимо, поводом для написания послания послужило назревание у Досифея какого-то конфликта. Митрополит ответил быстро: «Сиа тебѣ скоро написавъ, послах любви ради и спасения души».

С пожелания иметь в душе любомудрие, благодушие, радость, мир и любовь во Христе начинает Даниил свое послание, тем самым создавая доброжелательную обстановку для беседы, снижая агрессивность адресата, успокаивая его. Смысл утешительной речи архиерея – предать молчанию и терпению чью-то вину, и опорой тому служит

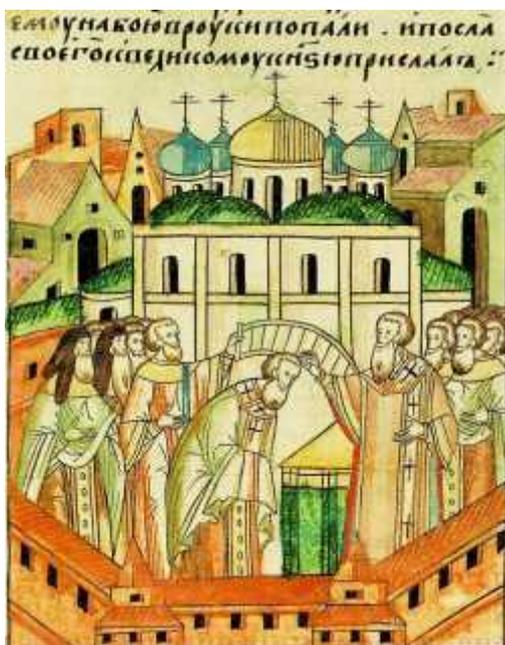

Рис. 6. Хиротония Досифея (Забелы) во епископа Сарского. Миниатюра из Лицевого летописного свода 70-е гг. XVI в. РНБ. F.IV.232. Л. 682

¹⁷ Даниил, митрополит Московский. Сочинения... С. 364–365.

¹⁸ Там же. С. 384–385.

евангельский текст: «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним» (Мф 18:15). На апостольском учении духовной любви построено наставление Даниила епископу: «Священнымъ же пастыремъ наипаче удобно есть преже всего любовь стяжати и в любви пребывати, и любовию вся творити, и разстоящася союзомъ любви съсвязовати. Ничто же бо тако пастырю пристойтъ, якоже любовь, понеже “Богъ любовь есть”» (1 Ин 4:7). В.И. Жмакин называл митрополита «проповедником любви»¹⁹. Даниил убеждает, что вражда чужда нам и не свойственна самому Досифею: «О возлюбленыи и духовныи мои сыне! Аще бо мы въ вражду снидемъ, како разъстоающаяся во едино съберемъ в бѣднѣмъ семъ и мимотекущемъ житии, како недужныи исцѣлимъ, како заблужшая обратимъ...! Мы же, враждующеся и роптающе, како не соблазнимъ многихъ!». Эти замечательные слова Даниила диссонируют с его поступками: организацией соборов против Максима Грека и Вассиана Патрикеева, отказом возвращения причастия ватопедскому монаху²⁰. Вражде, напоминает Даниил Досифею, нужно противопоставлять любовь, которая «покрывает множество грехов». Послание в целом представляет собой поучение, наставление, нежели утешение, как было заявлено в заголовке. К утешительным словам можно отнести только первую фразу: «да не будещи печаль и скорбь имѣа нещеваниемъ...», которая, видимо, подвигла составителя сборника назвать текст утешительным посланием. Провести четкую грань между утешением и поучением сложно, поскольку наставление, совет входит в смысловое поле утешительной речи.

В послании «Къ нѣкоему любомудру утѣшенье»²¹ Даниил сам обращается с просьбой об утешении: «И мою утѣши и възвесели худость о стропотствѣ же неразумиа, о немовании языка, и несладости устенъ, и о невѣжъстви, и неучении, и о прочемъ неудобъстви и неключимствѣ моемъ». Такое настроение позволяет, наверное, относить послание к последнему периоду творчества Даниила, времени его затворничества («неключимстве») в Иосифо-Волоколамском монастыре (1539–1547 гг.). Это ответное послание к «некому любомудру», письменами которого он восторгается: «Много же убо сладчаиши меда, свѣтъ разума – любомудрие словес твоихъ», достоинство письма – его краткость («обрѣтохъ съкращень глаголь»). Видимо, адресат был мирским человеком, поскольку адресант выражает свое несогласие с его «миръским наказанием». Но сложно понять, о чем идет речь. Даниил хвалит «любомудра» за то, что он не ходит на «позорища», а духовными трудами веселит свою душу, обогащает свой разум, укрощает чувства. Но рассуждения архиерея о знаменьях, которые «неправѣ бывають, есть же и врежають», может быть, были спровоцированы письмом адресата. Им Даниил противопоставляет дела во имя Господа, которые «зѣло ползують». Подвиги библейских героев (Иоанна, Иова, Авраама, Исаака, Иакова, Давида), претерпевших великие беды в кротости и смирении, есть примеры переживания многообразных скорбей, за что они «свѣтли и нарочита быша».

Рис. 7. В.И. Жмакин (1853–1907 гг.), протоиерей, историк, богослов, писатель

¹⁹ Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения... С. 311.

²⁰ Причастие было возвращено Максиму Греку, видимо, после смерти Даниила (1547 г.).

²¹ Даниил, митрополит Московский. Сочинения... С. 395–398.

Даниил благодарит «любомудра» за эпистолию, которая дала ему «сладостное и светлое духа рождение, и яко любовь твоа понуди мя начертати к тебѣ сие невѣждьственное послание». Многочисленность обращений («боголюбезная ти душа», «о богомудре», «любимиче», «о христоролюбче и человѣколюбче», «о любомудре») демонстрирует глубокую признательность Даниила адресату и большое к нему уважение. И в конце послания он просит: «Сице убо, любимиче, твое любомудрие възлюби и мое смирение возвесели». Это и есть просьба об утешении.

Почти все элементы нравственного богословия Даниила можно видеть в этом поучении. Слова о тихости и кротости в поведении христианина повторены многократно. Наказы – «напитоватися безспрестани въ святых Писаниих», соблюдать уединение, безмолвие, пост, неспание, вести беседы спасительные – проходят через многие сочинения церковного публициста. Длинные ряды однородных членов, как правило, составляют особенность стилистики письменной речи Даниила.

В названии другого послания изложена фабула сочинения: «Утѣшение к нѣкому, выше мѣрыи скорбящу о скончавшемся в пленении нужною смертию»²². Послание адресовано человеку, который потерял родственника, принявшего насильственную смерть в некоей варварской стране. У Даниила с ним, видимо, не было дружеских отношений, и он начинает свою письменную речь с упрека, выраженного серией вопросов: «Что рыдаеши и плачеши, и сѣтуеши излишнее? Что съкрушаеши и изнуряеши себе без мѣры?». И тут же отвечает на них фразой, ставшей топишкой в его сочинениях: «Мимоществена суть вся настоящаа, яко сънь, яко сѣнь, яко дымъ, яко рѣчная вода». Не сочувствие, не соболезнование, не доброе слово, а прагматизм и аскетизм должны, по замыслу Даниила, утешить страдающего человека, потому что, согласно христианскому учению, скорбями и злостраданием спасается человек. Пастырский совет не отличается оригинальностью: «И ты убо надлежащую скорбь и печаль от сердца твоего отверзи и благодарственаа въздажь Христу Богу». Это тоже более пастырское наставление, нежели сугубо утешительное послание.

И «Послание к нѣкому человеку, во скорбех и пѣчалех от царьския опалы»²³ представляет собой поучение о том, как надо осознать свои прегрешения и ошибки, покаяться и смириться. Митрополит наставляет: «Подобает же ти изыскати себе, аще в чемъ съгрѣшилъ еси ко царю, емуже служиши». Найти ответ внутри себя – это сильный посыл для утешения. Высказанные суровые наказания Даниил оправдывает своим долгом пастыря: «Се бо мои ловъ, се мои торгъ, се моя купля, се мое епископство, се мое предстательство, се мои животь, се моя радость, се мое богатство, се моя честь, се моя слава – дабы вси человѣци помиловани и спасени были от Христа Бога». К утешительным посланиям этот текст можно отнести на основании темы скорби, на котором построен сюжет: скорбь требует утешения.

Таким образом, утешительный дискурс Даниила сформирован книжниками, надписавшими ряд сочинений церковного публициста как утешительные послания или слово к скорбящим. Наставления и советы покрывают слова сочувствия и сострадания, выстраивая дистанцию между утешителем и скорбящим.

В традиции волоколамской книжной школы выстроено утешительное «Послание архиепископа Новгородского Феодосия боярину князю Андрею Дмитриевичу [Ростовскому] по поводу смерти его дочери». Оно содержит все элементы эпистолярного жанра. Приведена дата – «Писана лета 7054-го (1545), сентября». В прескрипте указаны имена адресанта и адресата: «Благословение преосвященного Феодосия... господину... боярину ... князю Андрею Дмитриевичу». И в начале своего слова Феодосий молится о «многолетнем здравии вашего благородия» и ссылается на источник: «Да слышал есми, господине, о прилучившейся ти... скорби – о преставлении твоя тщери имярек». Утешение Феодосия основано на учении о тайне смерти и ее неизбежности. Устрашением архиереев пытается усмирить князя и паству: «Убоимся, братие, яко не ведомо есть, что будет о нас, и что ся збудет нам – не вемы». Спасение – в исполнении долга перед Господом: «И тебе, великому господину,

²² Даниил, митрополит Московский. Сочинения... С. 431–433.

²³ Там же. С. 434–436.

ныне пристойт о своей тщери попечение и долг отдати к всемилостивому Богу и к церкви Божии приношением и псалмы, и песньми духовными, и милостынями». Большой ряд примеров, извлеченных из церковных преданий, Отечника, о том, как молитвы об усопших приносят утешение, должны, по замыслу автора Послания, успокоить князя Андрея Дмитриевича. Свою поддержку Феодосий выражает в официальном стиле: «И благословляю тебя, великого господина, да не вдаси себя в безмерну скорбь». Слова Иоанна Златоуста о том, что не младенцев надо оплакивать, а свои грехи, что не об ушедших надо горевать, «но попечемся о своей кончине», цитата из Послания апостола Павла к Солунянам: «Не велю вам неразумевати о умерших» (1 Сол 13), согласно авторской интенции, должны утешить скорбящего. Напоминание о том, что не надо противиться Божьему повелению, но жить верой, составляет смысл утешительной концепции Феодосия, отличающейся аскетическим характером и прагматизмом.

Утешительные послания Максима Грека заголовков в рукописях, как правило, не имеют, начинаются с прескрипта, обращены к конкретным лицам, социальный статус которых определяется по апелляциям: княгине, инокине, некоему благородию, возлюбленному другу – или именным обращениям: князю Димитрию, Константину. Отсутствие названий – примета первоначальной природы оригинального авторского текста, личного письма. Эти послания не включены Святогорцем в состав прижизненных систематизированных сводов – Иоасафовского и Хлудовского. Но мотив утешения сопровождается поучительные трактаты церковного публициста, например: «Слово поучительно, вкупѣ же и обличительно прелести звѣздочетствѣи, и утѣшительно живущим въ скръбехъ»²⁴. Несколько утешительных эпистолий Максима Грека сохранилось в единственном списке в составе раритетного Румянцевского сборника (РГБ. Ф. 256. Румянцевское собр. № 264), представляющего архив писателя. Они опубликованы Д.М. Буланиным.

Так, некоей княгине, скорбящей о смерти своего сына, Максим Грек пишет два послания (см. рис. 8). Первое («Благороднѣ государынѣ нашей княгини имярек Максимъ Святогорець, нищии богомолец вашъ, много челомъ!») составлено по просьбе княгини: «А я тебѣ, государыня, много челом бью, по твоему прошению писал, елико Спасъ вразумил меня»²⁵. Как правило, Максим Грек объясняет свой замысел Божией волей. Драматургия послания построена на мнимом сюжете якобы обращения Христа к государыне: «Тѣи же и говорит тебѣ так». Максим Грек сочинил речь Христа, опираясь на евангельский текст. Христос, как бы апеллируя к «чадо имярек», напоминает историю о Марфе, скорбящей о брате своем Лазаре. Абсолютная идея: «Аз есмь Живот и Воскресение, вѣруяи в Мя, аще и умрет, жив будет» (Ин 11: 25) – разворачивается в проповедническую речь: умершие обычной смертью и по смерти живы у Бога, и, более того, пребывают они в великой славе; и кто «не по правдѣ нужную смертью от маловременнаго житиа сего преставился», тот тоже находится у Христа в жизни вечной. Свидетельство, вложенное в уста Спасителя: «Сын твой възлюбленыи... живет у Меня в всяком беспечалии и тихости, радуяся и веселяся со всѣми стоящими около престола божественныя славы Моея» – занимает сильную позицию в утешении княгини и выстраивании авторской стратегии повествования.

Условие Господа должно привести княгиню к смирению: если с благодарением будешь терпеть скорби, то жизнь твоя земная будет долговечной; если же не слушаешь и будешь себя томить «безлѣпичною скръбию», то заберу тебя из этой жизни, и исполнится твое желание увидеть дитя свое. Несмотря на разыгрывание главной роли утешителя Спасителем, личностное присутствие автора в тексте режиссирует виртуальное действие, поддерживает скорбящую и создает атмосферу доверия: «Ино, государыня княгиня имярек, Бога ради слушай рѣчи Спасовы, Которыи сподобилъ слышати тебя худым моим сим писаниемъ. Онъ меня научилъ всѣми Своими Святыми Писаниями такое утѣшение писати къ тебѣ».

²⁴ Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 2. М., 2014. С. 298.

²⁵ Буланин Д.М. Переводы и послания... С. 204–206.

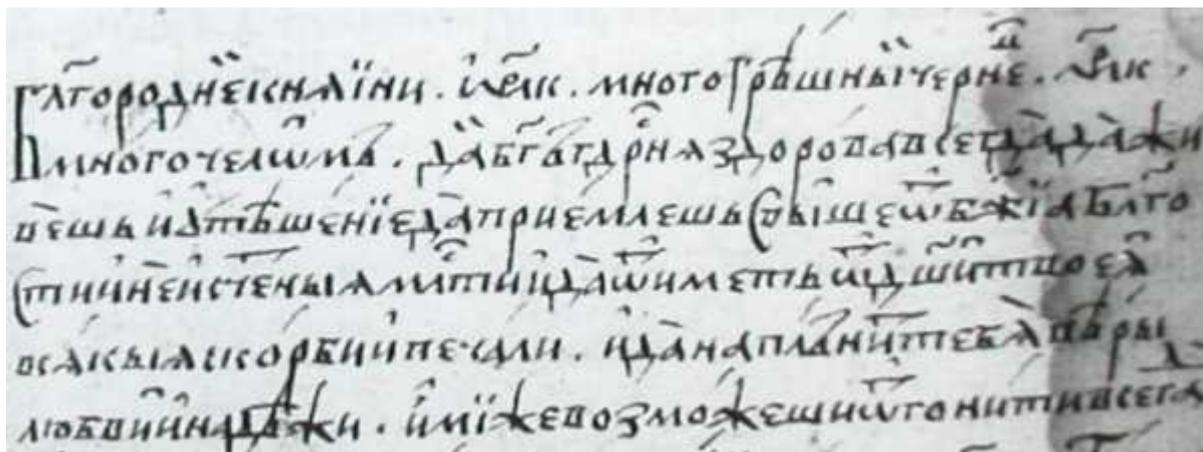

Рис. 8. Послание некоей княгине. РГБ. Ф. 256. № 264. Л. 298

Прием говорить от лица Христа, Богородицы, апостола довольно эффектно был использован Максимом Греком в ряде сочинений, но русские книжники не приняли его и обвинили Святогорца в кощунстве, о чем он пишет в «Ответе Священному собору»: «И вѣмъ убо, яко нѣции негодуютъ о реченыхъ мною акы отъ лица Спаса и лютѣ гнѣваются на мя». Речь идет о сочинении о тверском пожаре 1537 г. (21 глава Иоасафовского собрания), в котором тверскому епископу Акакию отвечает Господь. Публицист в своем выборе стиля повествования ссылается на пророков-писателей: «Съи и азъ, челоуѣколюбныи и спасителныи Владычнь разумъ услышавъ и научився от богодухновенныхъ пророкъ Амоса и Исаии... подобнѣ священнымъ пророкомъ являю Челоуѣколюбца Спаса, правдословящагося къ намъ и обличающа, и вразумляюща нас отечьскы, како длѣжни есмы благоугодити Ему»²⁶. Следует согласиться с предположением Д.М. Буланина, что Послание княгине было написано до 1537 г., поскольку в нем уже использован художественный прием, «вызвавший неудовольствие читателей»²⁷.

Обеспокоенный скорбью княгини, глубоко ей сопереживающий, Максим Грек пишет еще одно послание («Благородней княгини имярек многогрѣшныи чернецъ имярек много челоуѣ!»), в котором ссылается на свою первую эпистолию, и предлагает «иное утешение духовно»: «Прочитай себѣ часто писание, что дотолѣ писал есмь к твоему благородию, и много утѣшение приимеши. Аще же и тѣмъ не утѣшится душа твоя, и ты приими себѣ иное утѣшение духовно»²⁸.

Новое утешение – это примеры поступков благоверных женщин, переживших утраты и напасти. Сопоставление своего горя с бедами других отвлекает от личных обид и настраивает на поиск собственных сил для преодоления жизненных трудностей. Так, Святогорец напоминает сюжет о блаженной вдове Клеопатре, оплакивавшей преждевременную смерть сына своего и укорявшей святого мученика Уара, в честь которого она соорудила храм, а он не сохранил ее чадо. Сын, принятый святым, не захотел возвращаться к матери. Другой пример смирения – судьба Аикасии, красотой которой был пленен царь Феофил, она же предпочла «оневестить» себя Царем и Женихом Небесным, а не земным. Максим Грек предлагает скорбящей княгине выбрать один из приведенных «образцов пречудных» и перестать «скръбѣти безлѣпа». К оптимистическому настрою склоняет инок княгиню.

«Послание утешительное неизвестному лицу»²⁹ (см. рис. 9) начинается со ссылки на слух, дошедший до Максима Грека, о скорби некоего благородия, к которому он обращается так: «отче». Автор признается, что сам опечалился известием, но тут же укоряет себя в маловерии, поскольку неправильно размышлял о неизреченных судьбах Божиих, а Господь «строит на ползу намъ вся наша». Это откровение устанавливает доверительные отношения

²⁶ Текст цитируется по рукописи РГБ. Ф. 256. Румянцевское собр. № 264. Л. 290 об. – 291.

²⁷ Буланин Д.М. Переводы и послания... С. 194.

²⁸ Там же. С. 206.

²⁹ Там же. С. 211.

с адресатом и личностное присутствие адресанта в ситуации сопереживания, что усиливает морально-психологическую поддержку. Причиной скорби «неизвестного», видимо, были материальные потери. Инок Максим напоминает истины христианского учения, принятие которых должно утешить человека. Так, мы мним, что земные стяжания есть совершенное благо и богатство, а Отец милосердный, желая отвлечь нашу мысль от земных и суетных забот, обращает наши помыслы к благам, пребывающим в веках, напускает недуги и напасти или на нас, или «на любезные нам стяжания», чтобы мы поняли «худость нашей мысли суетной» и обратились «к желанию неизреченых небесных благ».

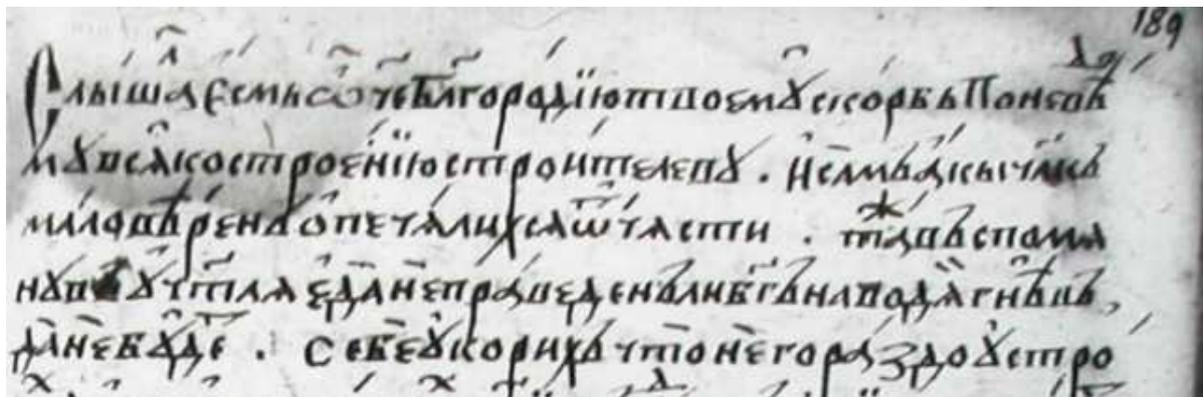

Рис. 9. Послание неизвестному лицу. РГБ. Ф. 256. № 264. Л. 189

Сильным средством утешения должен служить, по замыслу автора, «образец» жизни многострадального праведника, пророка Иова, чьи слова «Господь далъ, Господь взялъ... Наг изыдох от чрева матере моя, нагъ и отъиду въ землю» (Иов 1: 21) Максим Грек советует повторять с благодарением. Клаузулой, пожеланием здоровья, согласно эпистолографической традиции, заканчивает Максим Грек свое краткое послание: «Здравствуй, человекъ, о Христѣ, Господѣ нашем, всѣмъ твоимъ благословеннымъ дворомъ».

На эту же тему – скорби об утрате имений – написано послание, открывающееся прескриптом: «Костянтину, възлюбленому брату и другу, Максимъ грѣшникъ радоватися о Господѣ!»³⁰ (см. рис. 10). Само имя адресата указывает ли на иноземца? Мог ли он относиться к греческой диаспоре и потому Максим Грек обращается к нему как к брату и другу? Не исключен первоначальный вариант послания на греческом языке. Послание Максима – ответное: он ссылается на «грамоту» своего адресата и указывает дату ее написания – «въ 6 день августа месяца». Может быть, этой деталью он удостоверяет скорость своего ответа. Константин рассказывает о постигшем его большом огорчении и своем пребывании в растерянности и отчаянии и просит «исцѣление нѣкое». В византийской эпистолографической традиции утешительное письмо есть лекарство, и утешение синонимично «целбе», исцелению³¹. Максим Грек в самом начале послания заявляет: «Аз же, възлюблене Костянтине, кое ино исцѣление помышлю тебѣ, но точию апостолское речение» – и приводит слова апостола Иакова («...егда въ напастехъ падаете различныхъ, вѣдѣяще, яко искусство ваша вѣры съдѣловаетъ трѣпѣние», Иак 1: 2–3), примеры подвигов богоносных мучеников, которые терпели и хранили надежду на будущее воздаяние, вспоминает блаженного праведного Иова и приводит его знаменитые слова: «Господь дал, Господь взял...», пересказывает сюжеты из Лексикона Свиды³². Эти нравоучительные примеры должны вразумить и утешить друга. Заканчивает богослов свою утешительную речь, как правило, наставлением: «Тѣмъ же подобаетъ и намъ не скръбѣти безмѣрно о погублении и расхищении имѣнии и тлеемыхъ³³ стяжании».

³⁰ Буланин Д.М. Переводы и послания... С. 202–204.

³¹ Там же. С. 112.

³² Буланин Д.М. Источники античных реминисценций в сочинениях Максима Грека // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1979. С. 67–79.

³³ В рукописи «треемых», исправлено по смыслу.

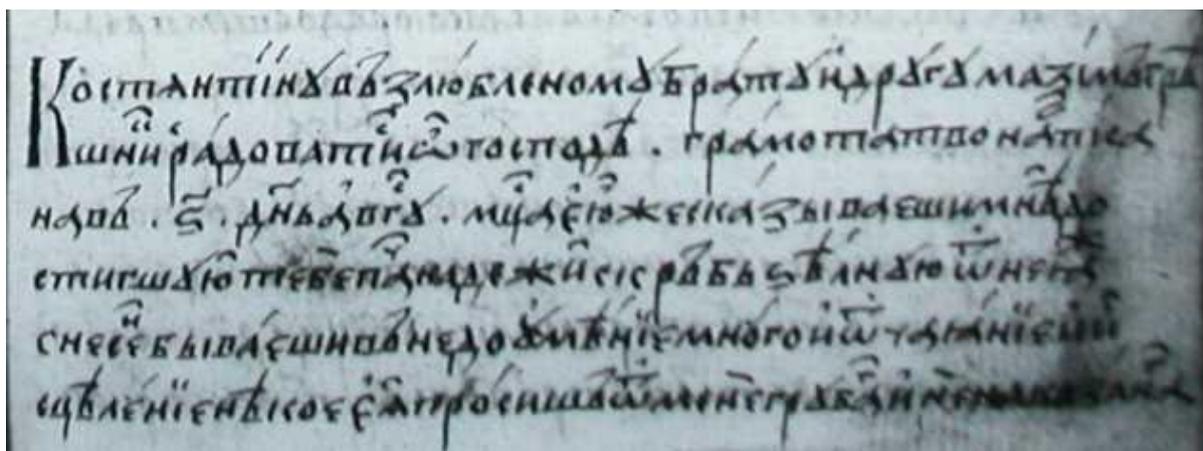

Рис. 10. Послание Константину. РГБ. Ф. 256. № 264. Л. 34

Эти уникальные четыре послания из прижизненного Румянцевского сборника сохранили элементы архитектоники (прескрипт, клаузулу) эпистолярного жанра, тем самым представив первоначальный вариант текста, в котором наибольшую выраженность получило авторское начало.

Другое именованное послание – «Послание утешительно к князю Дмитрию о терпении во скорбех»³⁴ – сохранилось в поздних рукописях: в сборнике Прохора Шошина (РНБ. Соловецкое собр. № 495/514, 1660 г.) и списках Поморского собрания (РГБ. Ф. 209. Собр. Овчинникова. № 131, первая четверть XVIII в., л. 770–773 об.; РНБ. F.I.425, конец XVIII в., Л. 561 об. – 564.; РГБ. Ф. 247. Рогожское собр. № 341, первая четверть XIX в., л. 583 об. – 591). Можно ли предположить, что адресатом был Дмитрий Иванович Курлятев, воевода, государственный деятель, в 1542 г. записан как князь, с 1549 г. – боярин? Максим Грек мог с ним познакомиться через своего ученика Нила Курлятева, инока Троице-Сергиева монастыря, составившего предисловие к выполненному Святогорцем переводу Псалтыри в 1552 г., принадлежавшего к тому же роду князей Оболенских, что и Дмитрий Иванович³⁵.

Из содержания текста неясен повод для составления иноком послания князю, которого он величает только как: «Благороднѣшии господине мои Дмитрие», и эпитет «благородный» стал ключевым в обращениях к адресату. Его семантика связана с понятиями чести и нравственного достоинства, которые присущи воинам, и воевода Дмитрий Иванович Курлятев отвечал этим этическим нормам.

Большую часть послания представляет эмоциональный монолог Максима Грека о «злоначальном челоуѣкоубице и доброненавистнике диаволе» («всескверном», «нечестивом», «богоборном»), «смущающем род челоуѣчский», ловце душ челоуѣчских, от которого «неприкладна есть яже его на насъ вражда и бѣшение». Серией риторических вопросов, содержанием которых стало обвинение дьявола в многочисленных злых кознях (грехопадение Адама и Евы, братоубийство Каина, «скотоблужение», сооружение Вавилонского столпа, судьбы Иосифа Прекрасного, Божьего помазанника Давида, Иоанна Предтечи и т.д.), автор привлекает внимание читателя. Эти библейские сюжеты, показывает Максим Грек, должны служить человеку уроком для оценки его собственной истории жизни. Они учат, что невозможно «безъ скорби всякия изыти от многоболѣзненнаго житиа сего» и нужно утешать себя осознанием того, что если праведники терпят многие скорби, то «како азъ, многогрѣшныи, безъ скорби и безъ печали изыду жития сего?». Церковный публицист повторяет одно из облигаторных положений богословского учения: «Судия вся устроить къ ползѣ душамъ нашимъ».

Выразителен заключительный фрагмент. Максим Грек объясняет свое право, обусловленное его собственной драматической судьбой, на поучительную речь: «Отъ нихъ же бо

³⁴ Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1860. Т. II. С. 388–394.

³⁵ Буланин Д.М. Нил Курлятев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л., 1989. С. 131–133.

самъ пострадахъ лѣта уже довольна, научихся и иныхъ учти, то же мнѣ терпѣние являти къ напущаемымъ на насъ неначаемымъ скорбемъ». Эта биографическая деталь служит дополнительным датирующим признаком текста: послание написано в период пребывания Максима в Троице-Сергиевом монастыре (1548–1555 гг.³⁶). За местоимением «от них» должны стоять государственные люди, в окружении которых и находился князь, и, видимо, они – виновники его скорби. Заканчивает Максим Грек свое «малое утешение» («дерзнухъ писахъ малыми къ твоему благородию малое сие утѣшение») пожеланием здоровья, клаузулой: «Здрава ты и душею, и тѣломъ да соблюдаетъ всегда Господь и да избавить от настоящихъ лютыхъ! Аминь».

Послание сопровождается припиской, и в ней Максим Грек еще раз обращается к адресату, умоляя: «Бога ради, не скорби, но мужаися, и “да крѣпится сердце твое, и потерпи Господа ради” со всякимъ благодарениемъ и вѣрою несумнѣнною, и надежею непостыдною». Опять чужие печали не отпускают святогорского инока, который сам давно уже терпит скорби своего «многоболезного жития». Его слова утешения искренние, доброжелательные, сочувствующие и сопереживающие, эмоционально окрашенные. В заключительной формуле, к сожалению, скрыто имя автора: «Нищии богомолецъ вашъ, онсица, много челомъ бию благородию твоему!». Замена конкретного имени на экземплификант (онсице, имярек) свидетельствует о переводе личного послания в разряд формулярного текста.

«Послание некоей инокине, скорбящей об умерших»³⁷ сохранилось в рукописях Соловецкого собрания, занимая положение 75 главы: РНБ. Солов. собр. № 494/513, л. 749–753 об., третья четверть XVI в., Солов. 496/515, конец XVI в.; Солов. 497/516, конец XVI в.; РНБ. ОЛДП.О.176, л. 403–405 об., конец XVI в. (последняя рукопись дефектна, оборваны края листов).

До Максима Грека дошли слухи о некоей скорбящей инокине, просящей от всех утешения, и он откликнулся. К этому его подвигло собственное настроение: «Якоже вѣмъ себя в печали суца и скорби телесней и душевней, сице и тебе слышу в тѣх же мнѣ лютѣ падшу и зелне скорбящу, и всякого утѣшения от всѣх требующу». Это признание должно установить отношения равных личностей и выражать сочувствие, сострадание, а не жалость. Максим Грек в качестве ободрения приводит свой пример стойкости: «Но себе како помогу и скорби избавлю? И вѣм, и могу, в моеи бо воле и благое, и злое, власть имам... никто же есть, иже может возбранити ми от добраго моего изволения». Богослов убеждает себя и других: ответы на свои личные вопросы человек должен искать внутри себя, проявить силу духа и иметь перед глазами «призирателя» наших мыслей и поступков – Христа. Источник утешения для нас – учение апостола Павла, и к нему обращает Святогорец инокиню: «Но себѣ убо сице помогаю и утѣшаю скорби моя, твою же священную душу, в печали суцу мнозе, како инако утѣшу от томящая ты скорби и избавлю ея, но точию якоже блаженный Павелъ, утѣшая нас, завѣщавае...». По приведенной цитате из Первого Послания Солунянам (1 Сол 4: 13–14) можно догадаться о причине скорби инокини – это усопший.

Само учение об утешении надо искать, настаивает богослов Максим, в Святых Писаниях, образцах богоугодной жизни. Он приводит толкования «апостольских глаголов» и цитат из Псалтири на волнующую тему, пример покаяния вероотступника Манассии, иудейского царя. Призывом «да отложимъ от мысли наших всякия скорби и малодушие, и всяко ино... прилежание о привременныхъ и бесполезныхъ красныхъ жития сего суетнаго, яже отлучаютъ от вѣчныхъ благъ» создает эффект соучастия в исцелении от душевных недугов и тем самым помогает преодолеть личную скорбь. Рассуждает о смысле монашеского жития, упоминает благородных жен (Меланию Римскую, Дионисию), подвигу которых «преподобная мати» должна следовать и тем самым заслужить ту же славу и благодать.

Особое место среди утешительных слов Максима Грека, конечно, занимает 45 глава Хлудовского собрания: «Сия словеса сътворилъ инокъ, въ темници затворень и скорбя, ими

³⁶ Максим Грек умер в январе 1556 г.

³⁷ Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1860. Ч. 2. С. 425–432.

же себе утѣшаше и утврѣжаше въ трѣпении въ 7 тысяч и 40-ное лѣто»³⁸. Оно было составлено после суда 1531 г., видимо, на родном греческом языке, еще в Иосифо-Волоколамском монастыре, но переработано в конце 40-х гг. для включения в состав авторского кодекса уже в Троице-Сергиевом монастыре³⁹. Сочинение, построенное в виде исповедальной беседы лирического героя со своей Душой, представляет собой образец самоутешения человека сильного духа и крепкой веры. Он не жалуется на судьбу, а просит Душу быть благодарной Господу, который «сподобилъ тя есть въ нынѣшнѣмъ житии малыми привременными скръбьми отдати съ лихвою весь длъгъ, много талантъ, имиже длъжна была еси». Не жалеть себя надо, а радоваться, как повелевает Господь: смиренно принимая страдания, получим «мъзда велия на Небесѣхъ».

Источником замысла своих разнообразных утешительных высказываний Святогорец называет Божественное Писание: «Спас вразумил меня писать такое утешение». Особенности утешительных посланий Максима Грека нужно признать выраженность индивидуального начала, личностное присутствие автора в ситуации сопереживания, глубокое сочувствие страдающего (Максим Грек выносит невзгоды своего «многоболѣзненнаго житиа») скорбящему (адресату), искренность и эмоциональность речи, разнообразие приемов ведения утешительного дискурса. Понятие утешения как сочувствия, сопереживания, сострадания, успокоения скорбящего сердца восходит к учению Феофилакта Болгарского. Особым моментом поведенческой тактики инока Максима стало его стремление приблизиться к адресату, возвращение к нему с новыми словами ободрения. К утешительным мотивам Святогорец обращался в других жанрах своего творчества, но не всякое поучительное слово можно считать утешительным посланием (например, «Поучение обуреваемому в море житейском»).

Утешительная стратегия митрополита Даниила основана на рецепции богословия учителей Церкви, но его слова сочувствия наполнены аскетичностью и назидательностью. Нравственные наказания скорбящему человеку близки к богословию блаженного Феодорита Кирского, который под утешением понимал убеждение в добродетели. Даниил выдерживает дистанцию со скорбящим и более поучает его, даже несколько устрашает, нежели успокаивает. Наряду с добрым словом он может высказать упрек, укор. Утешение, как правило, сопрягается с наставлением. Еще большей суровостью и официозом веет от послания Феодосия Новгородского. Смысловая доминанта утешительных слов книжников волоколамской школы имеет в основном прагматический характер.

Литература

Абеленцева О.А. Формулярник новгородского архиепископа Феодосия (РНБ. Q.XVII.50) и его рукописная традиция в XVI–XVII вв. / Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 53. СПб., 2003. С. 122–158.

Буланин Д.М. Источники античных реминисценций в сочинениях Максима Грека // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1979. С. 67–79.

Буланин Д.М. Литературное наследие первого идеолога Московского царства. Рецензия на книгу: Даниил, митрополит Московский. Сочинения / исследование, подготовка текстов и издание Л.И. Журовой М.: Индрик, 2020. 848 с. // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6, № 4. С. 510–521.

Буланин Д.М. Нил Курлятев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л., 1989. С. 131–133.

Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1984. 278 с.

³⁸ Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Новосибирск, 2011. Ч. 2. С. 131–132.

³⁹ Журова Л.И. К вопросу о греческих текстах Максима Грека // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2018. № 4. С. 151–157.

Даниил, митрополит Московский. Сочинения / исследование, подготовка текстов и издание Л.И. Журовой. М.: Индрик, 2020. 848 с.

Дружинин В.Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI-го века. СПб., 1909 // Отд. отт. из Летописи занятий Археографической комиссии. Вып. 21. СПб., 1909. С. 1–114.

Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. 762 с. + 71 с.

Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции / науч. ред. акад. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения Российской Академии наук. Ч. 1. 2008. 494 с.; Ч. 2, 2011. 303 с.

Журова Л.И. К вопросу о греческих текстах Максима Грека // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 4. С. 151–157.

Журова Л.И. Рукописное наследие митрополита Даниила // Даниил, митрополит Московский. Сочинения. М.: Индрик, 2020. С. 15–182.

«Посланице утешительно к старице Александре» / Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1862. Вып. 1. С. 28–33.

Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 1 / отв. ред. Н.В. Сеницына. М.: Индрик, 2008. 568 с.

Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 2 / отв. ред. Н.В. Сеницына. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 432 с.

Сочинения преподобного Максима Грека. Казань. 1860. Ч. 2. 460 с.

References

Abelentseva, O.A. (2003). Formulyarnik novgorodskogo arkhiepiskopa Feodosiya (RNB. Q.XVII.50) i ego rukopisnaya traditsiya v XVI–XVII vv. [Collection of Adages of Theodosius, Bishop of Novgorod (Russian National Library Q.XVII.50) and Its Manuscript Tradition in the 16th–17th Centuries]. In *Trudy otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg. Vol. 53, pp. 122–158.

Bulanin, D.M. (1979). Istochniki antichnyh reminiscency v sochineniyah Maksima Greka [Sources of Ancient Reminiscences in the Works by Maximus the Greek]. In *Works of Old Russian Literature Branch*. Leningrad, pp. 67–69.

Bulanin, D.M. (2020). Literaturnoye naslediyе pervogo ideologa Moskovskogo tsarstva. Retseziya na knigu Daniil, mitropolit Moskovskiy. Sochineniya. Issledovaniye, podgotovka tekstov i izdaniye L.I. Zhurovoy [The Literary Heritage of the First Ideologist of the Moscow Tsardom. A Review of the Book Daniel, Metropolitan of Moscow. Research, Preparation of Texts and Publication by L.I. Zhurova]. Moscow, Indrik Publishers. *Studia Litterarum*. Vol. 6, iss. 4, pp. 510–521.

Bulanin, D.M. (1989). Nil Kurlyatev [Nil Kurlyatev]. In *Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vtoraya polovina XIV–XVI v.* Leningrad. No. 2, pp. 131–133.

Bulanin, D.M. (1984). Perevody i poslaniya Maksima Greka. Neizdannyye teksty [Translations and Epistles by Maximus the Greek. Unpublished Texts]. Leningrad, Nauka. 278 p.

Druzhinin, V.G. (1909). *Neskol'ko neizvestnykh literaturnykh pamyatnikov iz sbornika XVI veka* [Several Unknown Literary Monuments from the Collection Work of XVI Century]. In *Chronicle of Archeographical Commission Activities*. St. Petersburg. Vol. 21, pp. 19–106.

(1862). *Poslanyitse uteshitelno k staritse Aleksandre* [A Consolatory Epistle to Wise Alexandra]. In *Letopis Zanyatyy arkheograficheskoy komissii*. St. Petersburg, vol. 1, pp. 28–33.

Sinitsyna, N.V. (Ed.). (2008). *Prepodobnyy Maksim Grek. Sochineniya* [Venerable Maximus the Greek]. Moscow. Vol. 1. 568 p.

Sinitsyna, N.V. (Ed.). (2014). *Prepodobnyy Maksim Grek. Sochineniya* [Venerable Maximus the Greek]. Moscow. Vol. 1. 432 p.

(1860) *Sochineniya Maxima Greeka* [Works of Venerable Maximus the Greek]. Kazan, Theological Academy of Kazan. Vol. 2, pp. 213–460.

Zhmakin, V.I. (1881). *Mitropolit Daniil i ego sochineniya* [Metropolitan Daniil and His Writings]. Moscow. 762 p. + 71 p.

Zhurova, L.I. (2008). *Avtorskiy tekst Maksima Greka: rukopisnaya i literaturnaya traditsii* [The Author's Texts by Maximus the Greek: The Tradition of Manuscripts and Literature]. Novosibirsk. Vol. 1, 494 p.

Zhurova, L.I. (2011). *Avtorskiy tekst Maksima Greka* [The Author's Text by Maximus the Greek]. Novosibirsk. Vol. 2. 303 p.

Zhurova, L.I. (2018). K voprosu o grecheskikh tekstakh Maksima Greka [On the Issue of the Greek Texts of Maximus the Greek]. In *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki*. Vol. 4, pp. 151–157.

Zhurova, L.I. (2020). Rukopisnoye naslediyе mitropolita Daniila [The Manuscript Heritage of Daniel, Metropolitan of Moscow]. In *Daniil, mitropolit Moskovskiy. Sochineniya*. Moscow, Indrik Publishers, pp. 15–182.

Zhurova, L.I. (Ed.). (2020). *Daniil, Mitropolit Moskovsky. Sochineniya* [Daniil, Moscow Metropolitan. Writings]. Moscow. 856 p.

Статья поступила в редакцию 23.01.2022 г.